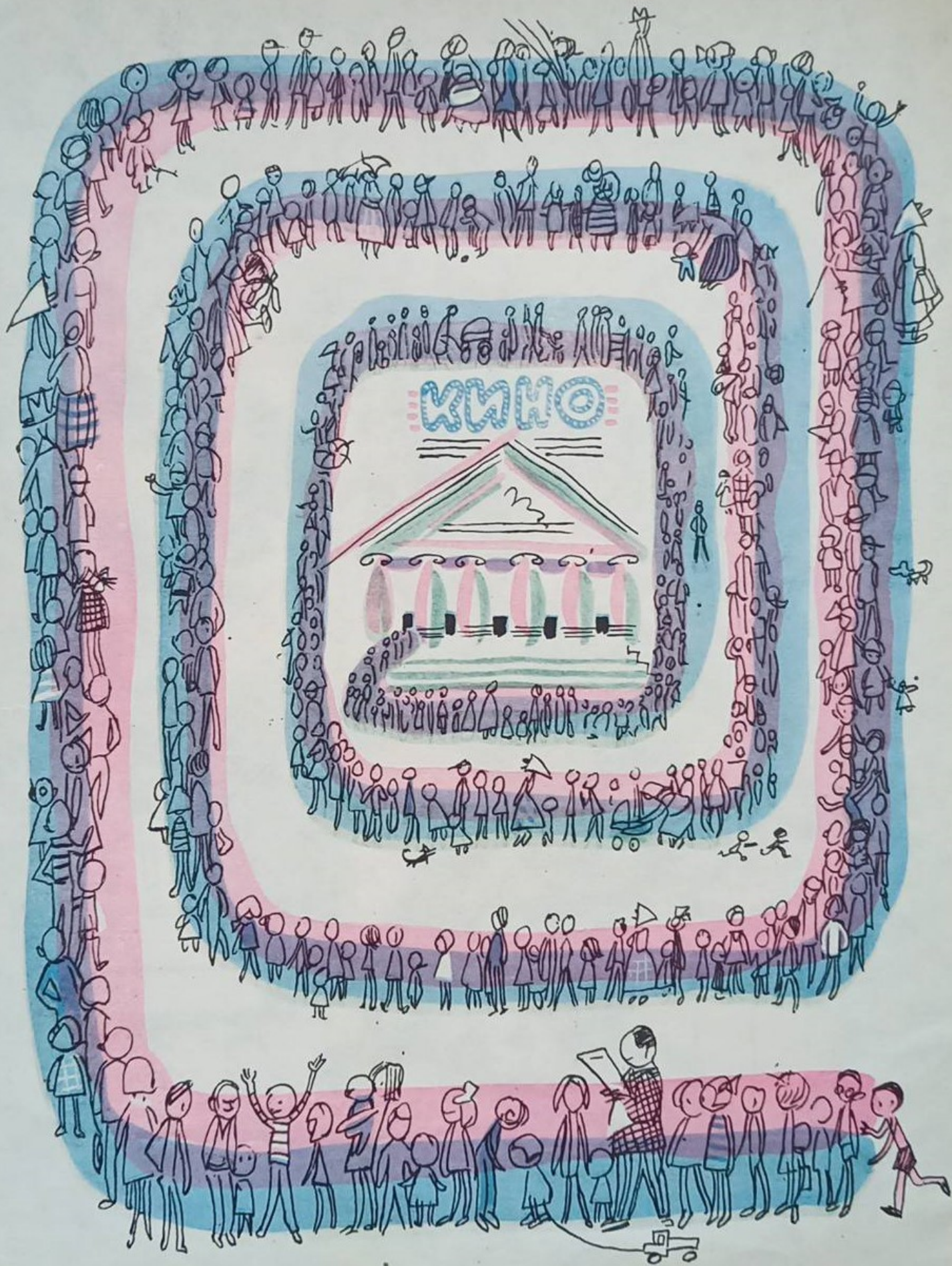

Виктор Драгунский

Издательство "Советская Россия"

Виктор Драгунский

ФАНТОМАС

Издательство
"Советская Россия" • Москва • 1970

СЕСТРА МОЯ КСЕНИЯ

Один раз был обыкновенный день. Я пришел из школы, поел и влез на подоконник. Мне давно уже хотелось посидеть у окна, поглядеть на прохожих и самому ничего не делать. А сейчас для этого был подходящий момент. И я сел на подоконник и принялся ничего не делать. В эту же минуту в комнату влетел папа. Он сказал:

— Скучаешь?

Я ответил:

— Да нет... Так... А когда же наконец мама приедет?

Нету уже целых десять дней!

Папа сказал:

— Держись за окно! Покрепче держись, а то сейчас полетишь вверх тормашками!

кем буду? Я буду — ого! Я буду даже ого-го! Огогугаго! Вот кем я буду!

И я так долго играл и выхвалялся напропалую, чтобы не скучно было ждать маму с папой. И в конце концов дверь распахнулась, и в нее снова влетел папа! Он уже вернулся и был весь взбудораженный, шляпа на затылке! И он один изображал целый духовой оркестр и дирижера этого оркестра заодно. Папа размахивал руками.

— Дзум-дзум! — выкрикивал папа, и я понял, что это бьют огромные турецкие барабаны в честь маминого приезда.

— Пыхь-пыхь! — поддавали жару медные тарелки. Дальше началась уже какая-то кошачья музыка. Закричал сводный хор в составе ста человек. Папа пел за всю эту сотню, но так как дверь за папой была открыта, я выбежал в коридор, чтобы встретить маму.

Она стояла возле вешалки с каким-то свертком на руках. Когда она меня увидела, она мне ласково улыбнулась и тихо сказала:

— Здравствуй, мой мальчик! Как ты поживал без меня?

Я сказал:

— Я скучал без тебя.

Мама сказала:

— А я тебе сюрприз привезла!

Я сказал:

— Самолет?

Мама сказала:

— Посмотри-ка!

Мы говорили с ней очень тихо. Мама протянула мне сверток. Я взял его.

— Что это, мама? — спросил я.

— Это твоя сестренка Ксения, — все так же тихо сказала мама.

Я молчал.

Тогда мама отвернула кружевную простынку, и я увидел лицо моей сестры. Оно было маленькое, и на нем ничего не было видно. Я держал ее на руках изо всех сил.

— Дзум-Бум-Трум, — неожиданно появился из комнаты папа рядом со мной.

Его оркестр все еще гремел.

— Внимание, — сказал папа дикторским голосом, — мальчику Дениске вручается живая, свежая сестренка Ксения. Длина от

пяток до головы пятьдесят сантиметров, от головы до пяток — пятьдесят пять! Чистый вес три кило двести пятьдесят грамм, не считая тары.

Он сел передо мной на корточки и подставил руки под мои, наверно, боялся, что я уроню Ксению. Он спросил у мамы своим нормальным голосом:

— А на кого она похожа?

— На тебя, — сказала мама.

— А вот и нет! — воскликнул папа. — Она в своей косыночке очень смахивает на симпатичную народную артистку республики Корчагину-Александровскую, которую я очень любил в молодости. Вообще я заметил, что маленькие детки в первые дни своей жизни все бывают очень похожи на прославленную Корчагину-Александровскую. Особенно похож носик. Носик прямо бросается в глаза.

Я все стоял со своей сестрой Ксенией на руках, как дурень с писаной торбой, и улыбался.

Мама сказала с тревогой:

— Осторожнее, умоляю, Денис, не урони.

Я сказал:

— Ты что, мама? Не беспокойся! Я целый детский велосипед выжимаю одной левой, неужели же я уроню такую чепуху?

А папа сказал:

— Вечером купать будем! Готовься!

Он взял у меня сверток, в котором была Ксенька, и пошел. Я пошел за ним, а за мной мама. Мы положили Ксеньку в выдвинутый ящик от комода, и она там лежала спокойно.

Папа сказал:

— Это пока, на одну ночь. А завтра я куплю ей кроватку, и она будет спать в кроватке. А ты, Денис, следи за ключами, как бы кто не запер твою сестренку в комод. Будем потом искать, куда подевалась...

И мы сели обедать. Я каждую минуту вскакивал и смотрел на Ксеньку. Она все время спала. Я удивлялся и трогал пальцем ее щеку. Щека была мягкая, как сметана. Теперь, когда я рассмотрел ее внимательно, я увидел, что у нее длинные темные ресницы...

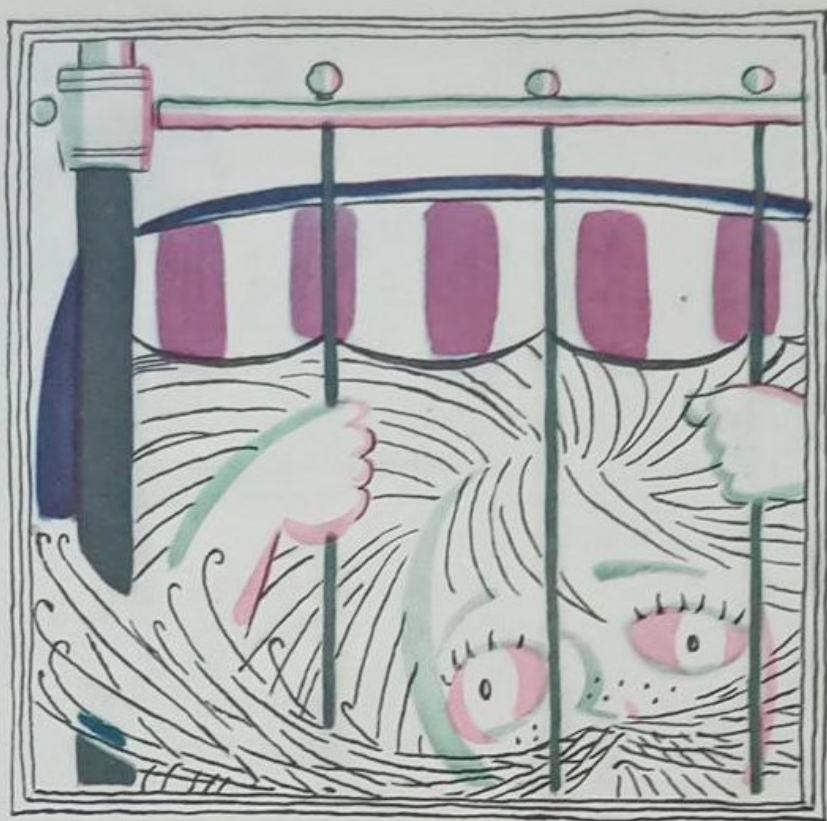
И вечером мы стали ее купать. Мы поставили на папин стол ванночку с пробкой и наносили целую толпу кастрюлек, наполненных холодной и горячей водой, а Ксения лежала в своем комод и

ожидала купания. Она, видно, волновалась, потому что она скрипела, как дверь, а папа, наоборот, все время поддерживал ее настроение, чтобы она не очень боялась. Папа ходил туда-сюда с водой и простынками, он снял с себя пиджак, засучил рукава и льстиво покрикивал на всю квартиру:

— А кто у нас лучше всех плавает? Кто лучше всех окунается и ныряет? Кто лучше всех пузыри пускает?

А у Ксеньки такое было лицо, что это она лучше всех окунается и ныряет, — действовала папина лесть. Но когда стали купать, у нее такой сделался испуганный вид, что вот, люди добрые, смотрите: родные отец и мать сейчас утопят дочку, и она пяткой поискала и нашла дно, оперлась и только тогда немного успокоилась, лицо стало чуть поровней, не такое несчастное, и она позволила себя поливать, но все-таки еще сомневалась, вдруг папа даст ей захлебнуться... И я тут вовремя подсунулся под мамин локоть и дал Ксеньке свой палец и, видно, угадал, сделал, что надо было, она за мой палец схватилась и совсем успокоилась. Так крепко и отчаянно ухватилась девчонка за мой палец, просто как утопающий за соломинку. И мне стало ее жалко от этого, что она именно за меня держится, держится изо всех сил своими воробьиными пальчиками, и сквозь эти пальцы чувствуется ясно, что это она мне одному доверяет свою драгоценную жизнь и что, честно говоря, все это купанье для нее мука, и ужас, и риск, и угроза, и надо спасаться: держаться за палец старшего, сильного и смелого брата. И когда я обо всем этом догадался, когда я понял наконец, как ей трудно, бедняге, и страшно, я сразу стал ее любить.

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ ПОД КРОВАТЬЮ

Никогда я не забуду этот зимний вечер. На дворе было холодно, ветер тянул сильный, прямо резал щеки, как кинжалом, снег вертелся со страшной быстротой. Тоскливо было и скучно, просто выть хотелось, а тут еще папа и мама ушли в кино. И когда Мишка позвонил по телефону и позвал меня к себе, я тотчас же оделся и помчался к нему. Там было светло и тепло, и собралось много народу, пришла Аленка, за нею — Костик и Андрюшка. Мы играли во все игры, и было весело и шумно. И под конец Аленка вдруг сказала:

— А теперь в прятки! Давайте в прятки!

И мы стали играть в прятки. Это было прекрасно, потому что мы с Мишкой все время подсматривали так, чтобы водить выпадало маленьким: Костику или Аленке, а сами все время прятались и

вообще водили малышей за нос. Но все наши игры проходили только в Мишкиной комнате, и это довольно скоро нам стало надоедать, потому что комната была маленькая, тесная и мы все время прятались за портьеру, или за шкаф, или за сундук, и в конце концов мы стали потихоньку выплескиваться из Мишкиной комнаты и заполнили своей игрой большущий длинный коридор квартиры.

В коридоре было интереснее играть, потому что возле каждой двери стояли вешалки, а на них висели пальто и шубы. Это было лучше для нас, потому что, например, кто водит и ищет нас, тот, уже конечно, не сразу догадается, что я притаился за Марьсеминой шубой и сам влез в валенки как раз под шубой.

И вот один раз, когда водить выпало Костику, он отвернулся к стене и стал громко выкрикивать:

— Раз! Два! Три! Четыре! Пять! Я иду искать!

Тут все брызнули в разные стороны, кто куда, чтобы прятаться. А Костик немножко подождал и крикнул снова:

— Раз! Два! Три! Четыре! Пять! Я иду искать! Опять!

Это считалось как бы вторым звонком. Мишка сейчас же залез на подоконник, Аленка — за шкаф, а мы с Андрюшкой выскользнули в коридор. Тут Андрюшка, недолго думая, полез под шубу Марьи Семеновны, где я все время прятался, и оказалось, что я остался без места! И я хотел дать Андрюшке леща, чтобы он

освободил мое место, но тут Костик крикнул третье предупреждение:

— Пора не пора, я иду со двора!

И я испугался, что он меня сейчас увидит, потому что я совершенно не спрятался, и я заметался по коридору туда-сюда, как подстреленный заяц. И тут в самое нужное время я увидел раскрытую дверь и вскочил в нее.

Это была какая-то комната, и в ней на самом видном месте, у стены стояла кровать, высокая и широкая, так что я моментально нырнул под эту кровать. Там был приятный полумрак и лежало довольно много вещей, и я стал сейчас же их рассматривать. Во-первых, под этой кроватью было очень много туфель разных фасонов, но все довольно старые, а еще стоял плоский деревянный чемодан, а на чемодане стояло алюминиевое корыто вверх тормашками, и я устроился очень удобно: голову на корыто, чемодан под поясницей, очень ловко и уютно. Я рассматривал разные тапочки и шлепанцы и все время думал, как это здорово я спрятался и сколько смеху будет, когда Костик меня тут найдет.

Я отогнул немножко кончик одеяла, которое свешивалось со всех сторон до пола и закрывало от меня всю комнату: я хотел глядеть на дверь, чтобы видеть, как Костик войдет и как он будет ме-

ня искать. Но в это время в комнату вошел никакой не Костик, а вошла Ефросинья Петровна, симпатичная старушка, но немножко похожая на бабу-ягу.

Она вошла, вытирая руки о полотенце.

Я все время потихоньку наблюдал за нею, думал, что она обрадуется, когда увидит, как Костик вытащит меня из-под кровати. А я еще для смеху возьму какую-нибудь ее туфлю в зубы, она тогда наверняка упадет от смеха. Я был уверен, что вот еще секунда или две промелькнут, и Костик обязательно меня обнаружит. Поэтому я сам все время смеялся про себя, без звука.

У меня было чудесное настроение. И я все время поглядывал на Ефросинью Петровну. А она тем временем очень спокойно подошла к двери и ни с того ни с сего плотно захлопнула ее. А потом, гляжу, повернула ключик — и готово! Заперлась. Ото всех заперлась! Вместе со мной и корытом. Заперлась на два оборота.

В комнате сразу стало как-то тихо и зловеще. Но тут я подумал, что это она заперлась не надолго, а на минутку, и сейчас отперет дверь, и все пойдет как по маслу, и опять будет смех и радость, и Костик будет просто счастлив, что вот он в таком трудном месте меня отыскал! Поэтому я хотя и оро-

бел, но не до конца, и все продолжал посматривать на Ефросинью Петровну, что же она будет делать дальше.

А она села на кровать, и надо мной запели и заскрежетали пружины, и я увидел ее ноги. Она одну за другой скинула с себя туфли и осталась босиком, и прямо в одних чулках подошла к двери, и у меня от радости заколотилось сердце.

Я был уверен, что она сейчас отопрет замок, но не тут-то было. Можете себе представить: она — чик! и погасила свет. И я услышал, как опять завывли пружины над моей головой, а кругом крошечная тьма, и Ефросинья Петровна лежит в своей постели и не знает, что я тоже здесь, под кроватью. Я понял, что попал в скверную историю, что теперь я в заточении, в ловушке.

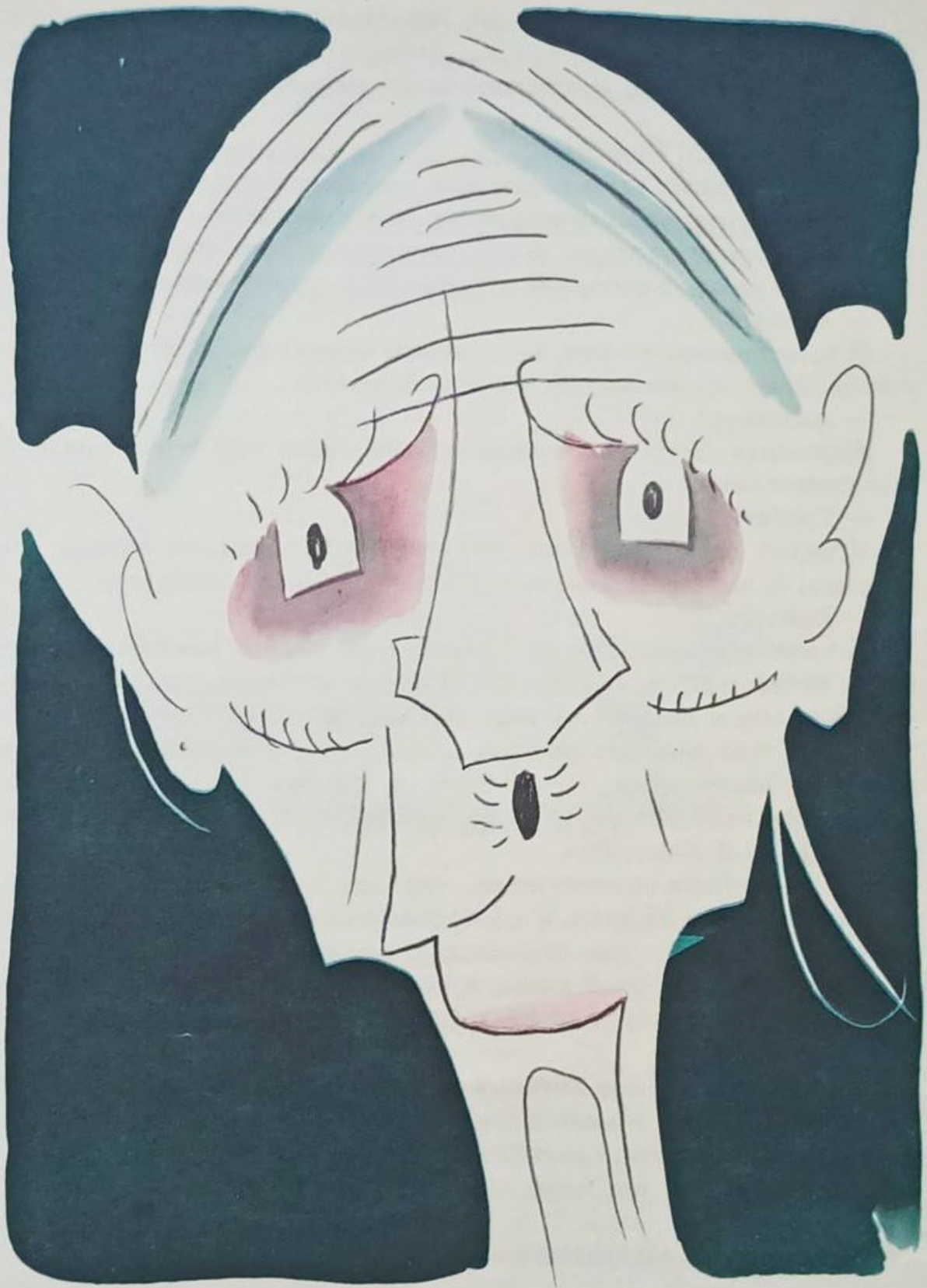
Сколько я буду тут лежать? Счастье, если час или два! А если до утра? А как утром вылезать? А если я не приду домой, папа и мама обязательно сообщат в милицию. А милиция придет с собакой-ищейкой. Кличка — Мухтар. А если в нашей милиции никаких собак нету? И если милиция меня не найдет? А если старуха, Ефросинья Петровна эта самая, проспит до утра, а утром пойдет в свой любимый сквер сидеть целый день и снова запрет меня, уходя? Тогда как? Я, конечно, поем немножко из ее буфета, и когда она придет, придется мне лезть под кровать, потому что я съел ее продукты, и она отдаст меня под суд! И чтобы избежать позора, я буду жить под кроватью целую вечность? Ведь это самый настоящий кошмар! Конечно, тут есть тот плюс, что я всю школу просижу под кроватью, но как быть с аттестатом, вот в чем вопрос. С аттестатом зрелости! Я под кроватью за двадцать лет не то что созрею, я там вполне перезрею.

Тут я не выдержал и со злости как тряхнул кулаком по корыту, на котором лежала моя голова! Раздался ужасный грохот! И в этой страшной тишине при погашенном свете и в таком моем жутком положении мне этот стук показался раз в двадцать сильнее. Он просто оглушил меня.

И у меня сердце замерло от испуга. А старуха надо мной, видно, проснулась от этого грохота. Она, наверное, давно спала мирным сном, а тут, пожалуйста, — тах-тах — из-под кровати! Вот старуха полежала маленько, отдышалась и вдруг спросила темноту слабым и испуганным голосом:

— Ка-ра-ул?!

Я хотел ей ответить: «Что вы, Ефросинья Петровна, какое там «караул»? Спите дальше, это я, Дениска!» Я все это хотел ей ответить, но вдруг вместо ответа как чихну на всю ивановскую, да еще с хвостиком:

— Апчх! Чхи! Чхи! Чхи!..

Там, наверное, пыль поднялась под кроватью ото всей этой возни, но Ефросинья Петровна после моего чиханья убедилась, что под кроватью происходит что-то неладное, здорово перепугалась и закричала уже не с вопросом, а совершенно утвердительно:

— Караул!

И я, непонятно почему, вдруг опять чихнул изо всех сил, с каким-то даже подвыванием чихнул, вот так:

— Апчхи-уу!

Ефросинья Петровна, как услышала этот вой, так закричала еще тише и слабей:

— Грабят!..

И видно, сама подумала, что если грабят, так это ерунда, не страшно. А вот если... И тут она довольно громко завопила:

— Режут!

Вот какое вранье! Кто ее режет? И за что? И чем? Разве можно по ночам кричать неправду? Поэтому я решил, что пора кончать это дело, и раз она все равно не спит, мне надо вылезать.

И все подо мной загремело, особенно корыто, ведь я в темноте не вижу. Грохот стоит дьявольский, а Ефросинья Петровна уже слегка помешалась и кричит какие-то странные слова:

— Грабаул! Караулят!

А я выскочил и по стене шарю, где тут выключатель, и нашел вместо выключателя ключ, и обрадовался, что это дверь. Я повернул ключ, но оказалось, что открыл дверь от шкафа, и я тут же перевалился через порог этой двери, и стою, и тычусь в разные стороны, и только слышу, мне на голову разное барахлишко падает.

Ефросинья Петровна пищит, а я совсем онемел от страха, а тут кто-то забарабанил в настоящую-то дверь!

— Эй, Дениска! Выходи сейчас же! Ефросинья Петровна! Отдайте Дениску, за ним его папа пришел!

И папин голос:

— Скажите, пожалуйста, у вас нет моего сына?

Тут вспыхнул свет. Открылась дверь. И вся наша компания ввалилась в комнату. Они стали бегать по комнате, меня искать, а когда я вышел из шкафа, на мне было две шляпки и три платья.

Папа сказал:

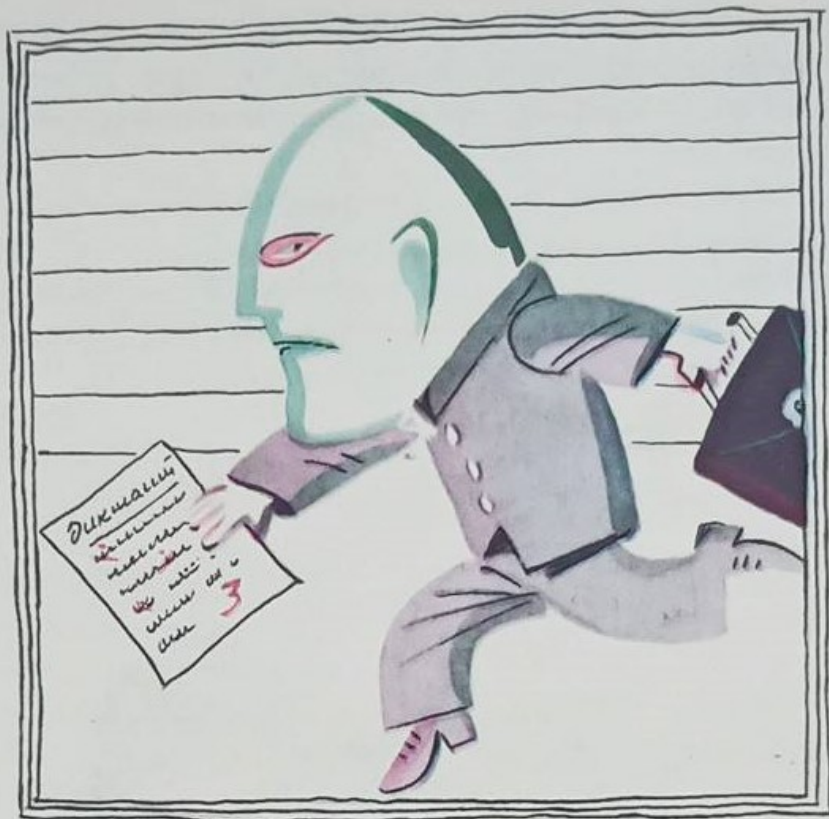
— Что с тобой было? Где ты пропадал?

Костик и Мишка сказали тоже:

— Где ты был, что с тобой приключилось? Рассказывай!

Но я молчал. У меня было такое чувство, что я и в самом деле просидел под кроватью ровно двадцать лет.

Посвящаю Коле Прошину

ФАНТОМАС

Вот это картина так картина! Это да! От этой картины можно совсем с ума сойти — точно вам говорю. Ведь если простую картину смотришь, так никакого впечатления, только и радости, что ворюга пришел в милицию, заплакал там горькими слезами и сказал, ломая губы: «Ваша взяла! Моих рук дело! Пиши, начальник!» — и начинает сам про себя рассказывать, какая у него тяжелая жизнь получилась, как у него в войну отец погиб на фронте, а мама стала все больше богу молиться и совсем не обращала на него внимания, и среди него никто не вел воспитательной работы, а ему кушать хотелось, и он попал в дурную компанию и обокрал пожарную часть. Украл два шланга и топор. И вот такую муру два часа в кино показывают, ни стыда, ни совести. Прямо не картина, а «спокойной ночи, малыши». А Фантомас — другое

дело! Во-первых, тайна! Во-вторых — маска! В-третьих, приключения и драки! И в-четвертых, просто интересно, и все! И конечно, все мальчишки, как эту картину посмотрели, все стали играть в Фантомасов.

Тут главное остроумные записки писать и подсовывать в самые неожиданные места. Получается очень здорово. Все, кто такую фантомасовскую записку получают, сразу начинают бояться и дрожать. И даже старухи, которые раньше у подъезда просиживали всю свою сознательную жизнь, сидят все больше дома. Спать ложатся просто с курами. Да оно и понятно, сами подумайте, разве у такой старушки будет хорошее настроение, если она утром прочла у своего почтового ящика такую веселую записочку:

БИРИГИ СВАЮ ПЛЕТУ! ОНА ЩА КАК ПАДВЗАРВЕТСЯ!

Тут уж у самой храброй старушки всякое настроение пропадает, и она сидит целый день на кухне, стережет свою плиту и пять раз в день Мосгаз по телефону вызывает. Это очень смешно. Тут прямо животики надорвешь, когда девчонка из Мосгаза целый день туда-сюда по двору шныряет и все кричит: «Опять Фантомас разбушевался. У, чтоб вам пропасть!» И тут все ребята пересмеиваются и подмигивают друг другу, и неизвестно откуда с молниеносной быстротой появляются новые фантомасочные записочки, у каждого жильца своя. Например:

НИ ВЫХОДИ НОЧЬЮ НА ДВОР! УБЮ! или — ВСЕ ПРО ТИБЯ ЗНАИМ. БОИСЬ СВАЕЙ ЖИНЫ! А то просто так: ЗАКАЖИ СВОЙ ПАТРЕТ! В БЕЛЫХ ТАПОЧКАХ.

И хотя это все часто было не смешно и даже просто глупо, все равно у нас во дворе стало как-то потише. Все стали пораньше ложиться спать, и участковый милиционер товарищ Пархомов стал почаще показываться у нас. Он объяснял нам, что наша игра — это игра без всякой цели, без смысла, просто чепуха какая-то, что наоборот, та игра хороша, где есть людям польза, например, волейбол или городки, потому что «они развивают глазомер и силу удара», а наши записочки ничего не развивают и никому не нужны, и показывают нашу непроходимую дурость. «Лучше бы за одеждой своей последили, — говорил товарищ Пархомов. — Вон ботинки! — И он показывал на Мишкины ботинки. — Школьник с вечера дол-

жен хорошо вычистить их, чтоб утром надевать на свежую голову».

И так продолжалось очень долго, и мы стали понемногу отдыхать от своего Фантомаса, и мы подумали, что теперь уже все! Наигрались! Но не тут-то было! Вдруг у нас разбушевался еще один Фантомас, да как! Просто ужас! А дело в том, что у нас в подъезде живет один старый учитель, он давно на пенсии, он длинный и худющий, все равно как кол из журнала, и палку носит такую же, видно, себе под рост подобрал, к лицу. И мы, конечно, сейчас же его прозвали Кол Единицыч, но потом для скорости стали величать просто Колом.

И вот однажды спускаюсь я с лестницы и вижу на его почтовом ящике рваненькую кривую записку, читаю:

КОЛ, А КОЛ!
ФКАЛЮ Ф ТИБЕ УКОЛ!

В этом листке были красным карандашом исправлены все ошибки, и в конце стиха стояла большая красная единица. И аккуратная, четкая приписка:

КОМУ БЫ ТЫ НИ ПИСАЛ, НЕЛЬЗЯ ПИСАТЬ НА ТАКОМ
ГРЯЗНОМ, ОБЛЕЗЛОМ ОБРЫВКЕ БУМАГИ —
и еще: СОВЕТУЮ ПОВНИМАТЕЛЬНЕЙ ЗАНЯТЬСЯ ГРАММАТИ-
КОЙ.

Через два дня на двери нашего Кола висел чистый тетрадный листок. На листке коротко и энергично было написано:

ПЛЮВАЛ Я НА ГРОМАТИКУ.

Ну, Фантомасище проклятый, вот это разбушевался! Хоть еще одну серию начинай снимать. Просто стыд. Одно было приятно:

ША ВЗАРВЕЦА
ЛАРКА
АНТОМАС

Фантомасова записка была сплошь исчеркана красным карандашом и внизу стояла двойка. Тем же, что и в первый раз, ясным почерком было приписано:

БУМАГА ЗНАЧИТЕЛЬНО ЧИЩЕ. ХВАЛЮ. СОВЕТ:

КРОМЕ ЗАУЧИВАНИЯ ГРАММАТИЧЕСКИХ ПРАВИЛ, РАЗВИВАЙ В СЕБЕ ЕЩЕ И ЗРИТЕЛЬНУЮ ПАМЯТЬ, ПАМЯТЬ ГЛАЗА. ТОГДА НЕ БУДЕШЬ ПИСАТЬ «ГРОМАТИКА». ВЕДЬ В ПРОШЛОМ ПИСЬМЕ Я УЖЕ УПОТРЕБИЛ ЭТО СЛОВО.

«ГРАМ-МАТИ-КА». НАДО ЗАПОМИНАТЬ.

И так началась у них длинная переписка. Долгое время Фантомас писал нашему Колу чуть не каждый день, но Кол был к нему беспощаден. Кол ставил Фантомасу за самые пустяковые ошибки свою вечную железную двойку, и конца этому не предвиделось.

Но однажды в классе Раиса Ивановна задала нам проверочный диктант. Трудная была штука. Мы все кряхтели и пыхтели, когда писали диктант, там были подобраны самые трудные слова со всего света. Например, там под конец было такое выраженьице: «Мы добрались до счастливого конца». Этим выражением все ребята были совсем ошарашены. Я написал: «Мы добрались до

ЩАСЛИВОГО конца», а Петька Горбушкин написал: «до ЩЕСЛИ-
ВОГО конца», а Соколова Нюра исхитрилась и выдала в свет све-
жее написание. Она написала: «Мы добрались до ЩИСЛИВЫ-
ВА конца». И Раиса Ивановна сказала:

— Эх вы, горе-писаки, один Миша Слонов написал что-то при-
личное, а вас всех и видеть не хочу! Идите! Гуляйте! А завтра нач-
нем все сначала.

И мы разошлись по домам. И я чуть не треснул от зависти, когда
на следующий день увидел на дверях Кола большой белоснежный
лист бумаги и на нем красивую надпись:

СПАСИБО ТЕБЕ, КОЛ! У МЕНЯ ПО РУССКОМУ ТРОЙКА!
ПЕРВЫЙ РАЗ В ЖИЗНЕ.
УРА! УВАЖАЮЩИЙ ТЕБЯ
ФАНТОМАС.

СОДЕРЖАНИЕ

СЕСТРА МОЯ КСЕНИЯ

3

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ ПОД КРОВАТЬЮ

9

ФАНТОМАС

18

KWNO

ДЛЯ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Виктор Юзефович Драгунский
ФАНТОМАС

Редактор М. В. Долоцова. Художественный редактор М. В. Танрова
Технический редактор В. А. Адамова
Корректор Э. А. Росаткевич

Издательство «Советская Россия», Москва, проезд Сапунова, 13/15.

Подписано к печати 7/IX-70 г. Формат бум. 84 X 108 1/16. Физ. печ. л. 1,5.

Усл. печ. л. 2,52. Уч.-изд. л. 1,8.

Изд. инд. ЛД-301. Тираж 150000 экз. Цена 15 коп. Бум. № 1, 7—6—2. 1970. Без объявл.
Фабрика офсетной печати № 2 Росглаволиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров
РСФСР, г. Дмитров, Московской области, Московская, 3. Заказ № 1554.